

ственно безразличныя, которыя надолго остаются въ памяти людей. Разрушенныя и сожженныя города, потоки пролитой крови, груды череповъ, заустѣніе обширныхъ, нѣкогда цвѣтущихъ областей хранятся въ воспоминаніи людей гораздо дольше, нежели акты христіанскаго милосердія. Не только всемірныя завоеватели—Александръ Македонскій, Чингисханъ, Тамерланъ — долго живутъ въ памяти потомковъ, но хранится воспоминаніе и о разбойникахъ, если ихъ злодѣянія превосходили среднюю мѣру: таковы Стенька Разинъ, Пугачевъ, Шиндерганнесъ. И ужь, конечно, имя Наполеона, который, съ точки зрѣнія христіанскаго пониманія жизни, совершалъ только злыя дѣла, вспоминалось и будетъ вспоминаться гораздо чаще, нежели, даже въ своей совокупности, имена людей, которые неустанно творили добро. Если, поэтому, человѣкъ особенно дорожить тѣмъ, чтобы сохранялось воспоминаніе о немъ, то можетъ удовлетворить себя совершеніемъ какъ добрыхъ дѣлъ, такъ и злыхъ, лишь бы тѣ и другіе представляли нѣчто величественное, превосходящее средніе размѣры.

Въ воспоминаніи людей, помимо дѣлъ, несомнѣнно дурныхъ съ точки зрѣнія христіанской оцѣнки, долго остаются и дѣла безразличныя въ нравственномъ отношеніи. Нельзя подвести подъ понятіе о дѣлахъ христіанскаго милосердія то, что Сервантесъ написалъ Донъ-Кихота, Шекспиръ—Макбета, Кантъ — Критику чистаго разума; но эти творенія живы, поддерживаютъ воспоминаніе о своихъ творцахъ и вліяютъ на милліоны людей гораздо больше, нежели многія истинно добрыя дѣла.

Стремленіе совсѣмъ побороть страхъ смерти побуждаетъ Толстого стать на путь восточнаго фатализма: онъ признаетъ смерть благомъ, когда бы она ни пришла, въ какомъ бы возрастѣ ни умеръ человѣкъ. Если даже умираетъ человѣкъ съ самыми добрыми наклонностями и въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣятельности, то слѣдуетъ считать это за благо и для умершаго, и для другихъ. Мыслящій человѣкъ не можетъ удовлетвориться этимъ равнодушіемъ Востока. Онъ неизбежно сдѣлаетъ выводъ, что необходимо одно изъ двухъ: или нельзя признавать благомъ смерть, наступающую при условіяхъ, когда, по всѣмъ даннымъ, человѣку слѣдовало бы еще жить; или же, согласившись съ Толстымъ, нужно признать за благо все, что совершается въ мірѣ. Толстой считаетъ благомъ смерть мужчины или женщины во цвѣтѣ лѣтъ, съ глубоко заложеными въ нихъ влеченіями къ добру. Утверждая, что есть высшая сила, посылающая смерть именно